

Francis Scott
FITZGERALD
1896 – 1940

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

*Успешное
покорение мира*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф 66

Перевод с английского Елены Петровой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-06652-6

© Е. Петрова, перевод, 2013
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Рассказы о Бэзиле

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК

I

После домашнего праздника у тротуара поджидали шикарный «стивенс-дюреа» и два «максвелла» тысяча девятьсот девятого года выпуска в компании одинокой «виктории»; мальчишки поглазели, как в «стивенс» усаживалась оживленная стайка девочек, и автомобиль с ревом умчался прочь. Компаниями по трое-четверо все стали разбредаться: одни — с шумливым гомоном, другие — в молчаливой задумчивости. Даже для вечно удивленных десяти-, одиннадцатилетних, которые без усталости приспосабливаются к новшествам, чтобы не отстать от жизни, день этот оказался знаменательным.

Так рассуждал Бэзил Дюк Ли, профессиональный актер, а также спортсмен, ученый, филателист и собиратель сигарных колец. Он был в таком приподнятом настроении, что хотел бы на всю жизнь запечатлеть в памяти свой выход из этого дома, близость предзакатного весеннего часа и походку обернувшейся к нему Долли Бартлетт, которая спешила к автомобилю — дерзкая, ликующая, лучезарная.

Новые ощущения немного пугали: оно и понятно, ведь в его жизни только что появилась едва ли не самая мощная побудительная сила. Отныне Бэзил сделался рабом любви, причем не где-нибудь в заоблачных высях, нет: его призвали, обняли, дали причаститься жгучего восторга — и за какой-то час он попал в плен. По дороге домой его занимали два вопроса: сколько долго это продолжалось и выпадет ли еще когда-нибудь на его долю нечто подобное?

Мать встретила на пороге непривычно бледного светловолосого мальчугана с необыкновенно зелеными глазами на тонком, чутком лице. Как настроение? Нормальное. Весело было у Гилрэев? Нормально. А подробнее? Да ничего особенного.

— Давай-ка мы тоже устроим детский праздник, Бэзил, — предложила она. — Тебя уже столько раз приглашали.

— Неохота, мам.

— А ты подумай как следует: десять мальчиков, столько же девочек, мороженое, торт, игры.

— Какие игры? — спросил он, нисколько не потеплев к материнской затее, но машинально ухватившись за это слово.

— Например, карточные фокусы, викторины.

— У них такого не бывает.

— А что бывает?

— Да ничего — просто валяют дурака. Не нужен мне никакой праздник.

Но вдруг скрытые неудобства от возможного появления девочек, от вторжения внешнего мира, без зазрения совести разрушающего фасад его владений, перевесило желание снова оказаться рядом с Долли Бартлетт.

— А мы сможем поиграть одни, без присмотра?

— Хорошо, я вам мешать не стану, — сказала миссис Ли. — Приготовлю, что требуется, и уйду.

— Все так и делают. — Бэзил не забыл, что сегодня рядом с ними все время отсвечивали какие-то важные дамы; просто он не мог представить, что мама будет неотступно стоять над душой.

За ужином эта тема возникла вновь.

— Расскажи папе, чем вы занимались у Гилрэев, — сказала мама. — А то потом забудешь.

— Ничего я не забуду, просто...

— Сдается мне, играли на поцелуйчики, — как ни в чем не бывало предположил мистер Ли.

— Да ну, они там начали глупую игру какую-то, называется «угадай кто», — необдуманно возразил Бэзил.

— Это как?

— Ну, все мальчишки по очереди выходят, а потом говорится: есть письмо. Нет, это «почта». В общем, потомходишь и должен угадать, кто тебя вызвал. — Ненавидя себя за предательство собственных чувств, он кое-как закончил: — А потом опускаешься на колени, и, если не угадал, все начинают хлопать и выгоняют тебя из комнаты. Можно мне еще такого соуса?

— А если угадал?

— Ну, как, тогда их обнимаешь, — забормотал Бэзил. Постыдный лепет — а ведь как было чудесно.

— Всех сразу?

— Нет, одну.

— Вот, значит, какой праздник ты хочешь устроить, — неодобрительно выговорила мама. — Ну и ну, Бэзил.

— Ничего я не хочу! — запротестовал он. — Я же не просил.

— Но ты просил, чтобы я ушла из дому.

— Встречал я этого Гилрэя в городе, — высказался мистер Ли. — Заурядный субъект, довольно провинциального вида.

Такое презрение к забавам, которыми во времена Джорджа Вашингтона не гнушались даже в Маунт-Верноне¹, отражало взгляд городских жителей на обычаи сельской Америки. Как и рассчитывал мистер Ли, на сына это подействовало, но совсем не так, как ему бы хотелось. У Бэзила, которому срочно понадобился сговорчивый сообщник, в голове возник образ Джо Шунвера, лишь недавно переехавшего с родителями в город. После ужина он, недолго думая, оседлал велосипед и помчался к дому Джо.

¹ *Маунт-Вернон* — плантация президента США Джорджа Вашингтона (1732–1799) близ города Александрия в округе Ферфакс, штат Виргиния, на берегу реки Потомак. — *Здесь и далее прим. перев.*

По его плану Джо должен был незамедлительно собрать у себя компанию, причем не для того, чтобы затеять две-три игры с поцелуями, а чтобы эти игры шли сплошной чередой, разве что с небольшими перерывами на угощение. Бэзил обрисовал эту оргию в самых беспощадных, но ярких красках:

— Спокойно выберешь Глэдис. А когда надоест, можешь переключиться на Китти или на любую другую, и пусть она тоже тебя выберет. Прикинь, как здорово!

— А вдруг у тебя перехватят Долли Бартлетт?

— Так уж и перехватят! Не дрейфь.

— Да ты в озере утопишься.

— Вот еще.

— Точно говорю.

Разговор был вполне конкретный; оставалось только заручиться согласием миссис Шуновер. Бэзил ждал на полутемной улице, пока Джо не вернулся с ответом.

— Мама разрешила.

— А пообещала, что не будет встречать?

— Чего ей встречать? — наивно удивился Джо. — Я рассказал, как мы сегодня бесились, — она только смеется.

Школа, где учился Бэзил, называлась Академией миссис Кэри; там он убивал нескончаемые, уныло-серые часы. Ему не раз приходило в голову, что научиться чему-нибудь дельному тут невозможно, и его досада нередко выплескивалась дерзостью, но в день домашнего праздника у Джо Шуновера он застыл как истукан за своей партией, чтобы только его не трогали.

— Итак, столица Соединенных Штатов — Вашингтон, — диктовала мисс Коул, — столица Канады — Оттава, а столица Центральной Америки...

— Мехико, — предположил кто-то с места.

— Там нет столицы, — само собой вырвалось у Бэзила.

— Ну почему же, должна быть. — Мисс Коул изучала карту.

— Почему-то нет.

— Замолчи, Бэзил. Пишем: столица Центральной Америки — Мехико. Так, остается Южная Америка.

Бэзил вздохнул:

— Какой смысл диктовать то, что неправильно?

Через десять минут, слегка робея, он стоял в директорском кабинете, где против него ополчились все силы несправедливости.

— Твое мнение никого не интересует, — выговаривала миссис Кэри. — Мисс Коул — ваша учительница, а ты ей дерзишь. Придется поставить в известность твоих родителей.

К счастью, отец Бэзила был в отъезде, но мама, получи она донос из школы, точно не отпустила бы его в компанию. С этой безрадостной мыслью он вышел из школьных ворот, но его тут же окликнул Альберт Мур; их матери были близкими подругами, а потому этот мальчишка сейчас представлял нешуточную угрозу.

Альберт стал изгаляться насчет вызова к директрисе и возможных последствий. На это Бэзил указал, что Альберт, в силу того что носит очки, имеет четыре органа зрения. Альберт высказался в плане претензий Бэзила на вселенскую мудрость. Беседу оживляли грубоватые упоминания о перепуганных представителях семейства кошачьих, а также о хронических шизофрениках; вскоре на смену разговорам пришли взмахи рук и подскоки, в результате чего Бэзил по чистой случайности заехал Альберту в нос. Хлынула кровь; Альберт взвыл от ужаса и страданий, решив, что по его желтому галстуку стекают последние жизненные соки.

Бэзил отправился было своей дорогой, но остановился, достал носовой платок, бросил его Альберту, в полном смысле слова распустившему нюни, и заспешил прочь от этой жуткой сцены — проулками, задворками, лишь бы оставить позади свое преступление. Через полчаса он обогнул дом Джо Шуовера, постучался

у заднего крыльца и попросил кухарку доложить о его приходе.

— Что такое? — удивился Джо.

— Я еще дома не был. Подрался с Альбертом Муром.

— Ну ты даешь. Он очки снял?

— Нет, а что?

— За избиение очкарика можно в колонию загреметь. Слышь, мы, вообще-то, сейчас обедаем.

Бэзил уныло сидел в переулке на каком-то ящике, пока не прибежал Джо с новостями, достойными близких сумерек.

— Насчет игр на поцелуи — не знаю. Мама говорит, это глупости.

Перед Бэзилем еще маячил призрак исправительной колонии.

— Хоть бы она заболела, — рассеянно пробормотал он.

— Не смей так говорить про мою маму!

— А я что? Я хочу сказать — хоть бы ее сестра заболела, — спохватился Бэзил, — тогда бы твоя мама уехала к ней.

— Да я не против, — задумался Джо, — только чтоб не сильно.

— А в самом деле, нельзя позвонить твоей маме и сказать, что у нее сестра заболела?

— Ее сестра в Тонаванде живет. Если что — прислала бы телеграмму.

— Айда к Толстяку Палмеру — договоримся насчет телеграммы.

Сын квартального дворника, Толстяк Палмер, несколькими годами старше их, был рассыльным на почте; он курил и сквернословил. Доставлять фальшивую телеграмму он наотрез отказался, но за четвертак согласился раздобыть чистый бланк и поручить доставку одной из младших сестренок. Деньги на бочку, авансом.

— Постараюсь достать, — задумчиво сказал Бэзил.

Они поджидали его у многоквартирного дома, до которого было несколько кварталов ходу. Бэзил отсутствовал минут десять, а потом вышел с мученическим видом, раскрыл ладонь, где лежал четвертак, и присел на край тротуара, поджав губы и жестом попросив, чтобы его не трогали.

— Откуда деньги, Бэзил?

— От моей тетки, — с трудом выдавил он и добавил: — За яйцо.

— Да ты что?

— За сырое яйцо.

— Ты яйцами приторговываешь? — стал допытываться Толстяк Палмер. — Послушай, я знаю, где можно доставать...

Бэзил застонал:

— Мне пришлось выпить сырое яйцо. Она помешана на здоровом питании.

— Шальные деньги как с куста, — поразился Толстяк. — Я этих яиц выпил...

— Заткнись! — взмолился Бэзил, но было уже поздно.

Яйцо не пошло впрок — оно было тут же принесено в жертву любви.

II

На бланке Бэзил написал:

*Заболела но не сильно выезжай немедленно
любящая сестра*

К четырем часам Бэзил еще не забыл, что у него, строго говоря, есть родители, но они уже остались далеко в прошлом. Кроме того, он знал, что согрешил, и, пока брел по аллее, безостановочно повторял молитву, надеясь получить в этой жизни прощение за очки Альберта Мура. Остальное можно было отложить до разоблачения, за которое он предпочел бы ответить после смерти.

В четыре часа они с Джо забились в шуноверовский чулан, чтобы хоть на последние тридцать минут скрыться от бдительного ока кухонной прислуги. Миссис Шуновер отсутствовала, гости были на подходе — и тут как по команде одновременно раздались трели дверного и телефонного звонков.

— Пришли, — шепнул Джо.

— Это мои предки, — сразу охрип Бэзил, — скажи, что меня тут нет.

— При чем тут твои предки? Это гости.

— По телефону названивают.

— Вот сам и скажи.

Джо ворвался в кухню:

— Ирма, в дверь звонят — неужели ты не слышишь?

— У меня руки в тесте, у Эсси тоже. Ступай сам открой, Джо.

— Нет, ни за что!

— Тогда пускай обождут. Вы, ребятки, как видно, ходить разучились.

И снова по всему дому настырно разнесся двойной сигнал тревоги.

— Джо, скажи моим родителям, что меня здесь нет, — нервно повторил Бэзил. — Как же я сам скажу, что меня нет? Давай, не тяни. Просто скажи: его тут нет.

— Надо дверь открыть. Ты хочешь, чтобы все разбегались по домам?

— Нет, не хочу. Но ты просто обязан...

Из кухни, вытирая руки, появилась Ирма.

— Вот тебе и раз! — воскликнула она. — Что ж дверь-то не открыли? Детки сейчас разбегутся.

В смятении оба загалдели наперебой. Ирма волевым решением отдала преимущество телефону.

— Алло, — ответила она. — Уймись, Бэзил, из-за тебя ничего не слышно. Алло, алло... Ну вот, трубку повесили. Ты бы причесался, что ли, Бэзил... а руки-то, руки!

Бэзил бросился к раковине и схватил кусок хозяйственного мыла.

— Где расческа? — заорал он. — Джо, где у тебя расческа?

— Наверху, где ж еще.

С мокрыми руками он помчался наверх по черной лестнице и, увидев себя в зеркале, понял, что выглядит именно так, как только можно выглядеть после скитания по задворкам. Торопливо откопав среди вещей Джо свежую рубашку, он уже принялся ее застегивать — и тут послышался вопль, плывущий вверх от парадной двери:

— Бэзил, ушли! Там никого... все разошлись!

Ошарашенные, мальчики выскочили на крыльцо. В самом конце улицы мелькали две удаляющиеся фигурки. Сложив ладони рупором, Бэзил и Джо стали кричать им вслед. Фигурки остановились, обернулись — и, откуда ни возьмись, рядом возникло множество других; вывернувшая из-за угла «виктория», грохоча по мостовой, подкатила к крыльцу. Праздник начался.

При виде Долли Бартлетт у Бэзила перехватило дыхание; он бы предпочел унести ноги. Это была незнакомка — определенно не та девочка, которую он обнял неделю назад. Перед ним брезжило видение. Прежде он не знал, как она выглядит, и воспринимал ее как воплощение времени или погоды: когда воздух был свеж и прохладен, она была свежестью и прохладой; когда летними вечерами окна домов светились таинственным желтым светом, она и была тайной; когда музыка навевала вдохновение, грусть или радость, она и была сама музыка: «Красное крыло», «Алиса, куда ты идешь?», «Свет серебристой луны».

Более хладнокровный наблюдатель сказал бы, что у Долли по-детски золотистые волосы, заплетенные в тугие косички; лицо правильной формы, милое, как

у котенка; ноги либо благовоспитанно скрещены в лодыжках, либо беспрепятственно свисают со стула. В свои десять лет она была такой настоящей, уверенной в себе и подвижной, что о ней грезили многие; те приемы, что вырабатывались многими поколениями — долгий взгляд, след улыбки, сокровенный шепот, нежное прикосновение, — она усвоила раньше положенного срока.

Оглядевшись вместе с другими в поисках хозяйки дома и не найдя никого похожего, Долли бочком прошла в гостиную и присоединилась к возбужденному девичьему хору шепотков и хихиканья. Такой же защитный кружок образовали мальчики, за исключением двух беззастенчивых шкетов лет восьми, которые, воспользовавшись смущением старших, мозолили им глаза, носились по комнате и пронзительно хохотали. Минуты тикали, но ничего не происходило; Джо и Бэзил переговаривались между собой свистящим шепотом, едва размыкая губы.

— Давай начинай, — бормотал Бэзил.

— Сам придумал — сам и начинай.

— Но компашка-то у тебя собралась. Чем так стоять, лучше сразу по домам разойтись. Скажи: давайте поиграем, а потом выбери себе какую-нибудь и веди в дру- гую комнату.

Джо недоверчиво уставился на него:

— Ты что! Пусть девчонки начинают. Попроси Долли.

— Еще чего.

— Тогда Марту Робби, что ли?

Марта Робби, сорванец в юбке, не внушала им ни страха, ни благоговения; эту можно было попросить о чем угодно, как сестренку.

— Послушай, Марта, скажи девочкам, что сейчас будем играть в почту.

Марта в негодовании отпрянула.

— Ни за что! — сурово отрезала она. — Не буду я им ничего говорить.

В подтверждение своих слов она побежала к девочкам поделиться:

— Долли, угадай, чего хотел Бэзил? Он потребовал, чтобы...

— Замолчи! — не выдержал Бэзил.

— ...играть в почту...

— Замолчи! Ничего такого мы не требовали.

В этот миг прибыл кое-кто еще. По ступеням поднималось — не без помощи шофера — инвалидное кресло, а в нем восседал Карпендер Мур, старший брат Альберта Мура, того самого, которому Бэзил утром пустил кровь. На веранде Карпендер отказался от услуг шофера и ловко подкатил к собравшимся, надменно поглядывая сверху вниз. Недуг сделал из него тирана и скандалиста.

— Всем привет, — сказал он. — Джо, приятель, как поживаешь?

В следующий миг он нашел взглядом Бэзила, развернулся и подъехал к нему.

— Ты расквасил нос моему брату, — негромко выговорил он. — Увидишь, что будет, когда моя мать поговорит с твоим отцом.

Выражение его лица сразу переменялось: он засмеялся и как бы в шутку огрел Бэзила тростью.

— А чем вы тут, собственно, занимаетесь? Можно подумать, у каждого кошка сдохла.

— Бэзил хочет поиграть в «угадай кто».

— Ничего подобного, — стал отпираться Бэзил и поспешил добавить: — Это Джо придумал. Для того нас и позвал.

— Неправда! — с жаром воскликнул Джо. — Это все Бэзил.

— Где твоя мать? — обратился Карпендер к Джо. — Она знает, что здесь творится?

Джо попытался выкрутиться:

— Она не возражает... То есть она разрешила играть в любые игры.

Карпендер фыркнул:

— Не может быть. Родители не допускают таких пакостей.

— Я подумал, если просто так, от нечего делать... — слабо забормотал Джо.

— Он подумал, надо же, он подумал! — вскричал Карпендер. — Отвечай: ты когда-нибудь бывал на домашних праздниках?

— Бывал...

— Отвечай: если ты в самом деле бывал на домашних праздниках — в чем я сильно сомневаюсь, — то должен знать, чем там занимаются люди. Приличные люди.

— Слушай, пойдешь утопиться в озере, а?

Все растерялись: эта фраза прозвучала издевкой, потому что Карпендер был парализован от пояса и ниже; он при всем желании не смог бы никуда пойти. Карпендер замахнулся тростью, но тут же одумался, потому что в гостиную вошла миссис Шуновер.

— Во что играем? — мягко спросила она. — В «угадай кто»?

III

Трость Карпендера легла к нему на колени. Он смешался, а некоторые — еще больше. Джо и Бэзил были в полной уверенности, что телеграмма сработала, а теперь оставалось только предположить, что миссис Шуновер их раскусила и вернулась. Но на ее лице не было и следа гнева или тревоги.

Карпендер быстро пришел в себя:

— Да, миссис Шуновер. Мы только начали. Бэзил водит.

— Я уж забыла, как в нее играют, — попросту сказала миссис Шуновер. — Кажется, под музыку? Давайте я буду вам аккомпанировать.

— Отлично! — воскликнул Карпентер. — Пускай теперь Бэзил возьмет подушку и выйдет в коридор.

— Я пас, — быстро отказался Бэзил, чуя подвох. — Пусть кто-нибудь другой водит.

— Тебе водить. — Карпентер был непреклонен. — Сдвигайте все диваны и кресла в один ряд.

Среди тех, кому не понравился такой поворот событий, оказалась и Долли Бартлетт. Она была сконструирована очень хитро, с удивительной способностью пробуждать эмоции, и сейчас весь ее механизм содрогался от вынужденного простоя. Долли чувствовала себя обманутой и обделенной, но всегда могла рассчитывать на появление решительного мужского персонажа. Он в любом случае нашел бы отклик в ее душе, но она не теряла надежды, что им окажется Бэзил, одинокий волк, обладавший в ее глазах романтической притягательностью. Она нехотя заняла место в одном ряду с другими, а миссис Шуновер тем временем стала наигрывать «Каждое движение — это маленький рассказ».

Когда Бэзила насильно вытолкали в коридор, Карпентер Мур объяснил свою задумку. Пусть сам он никогда в жизни не участвовал в подобных играх, это не мешало ему диктовать правила, и подчас — вот как теперь — весьма своеобразные.

— Мы объявим, что у некоей девочки есть письмо для Бэзила, но на какую бы он ни указал, это будет не сама девочка, а ее соседка, понятно? Он встанет перед кем-нибудь на колени или поклонится, а мы скажем: это не она — потому что у нас в уме будет ее соседка, ясно вам? — Он повысил голос. — Входи, Бэзил!

Ответа не было; выглянув в коридор, они обнаружили, что Бэзил исчез. Ни через парадную дверь, ни через черный ход он выскользнуть не мог; все рассыпались по дому — кто в кухню, кто на лестницу, кто в мансарду. В коридоре остался один Карпентер, который на всякий случай прощупывал тростью висевшие в чулане пальто.

Вдруг сзади кто-то вцепился в его кресло и мгновенно закатил в чулан. В замочной скважине повернулся ключ.

На мгновение Бэзил застыл, молча торжествуя победоу. Спускавшаяся по лестнице Долли Бартлетт просияла при виде его запыленной, зверской физиономии.

— Бэзил, куда ты пропал?

— Не имеет значения. Я слышал, что вы задумали.

— Я тут ни при чем, Бэзил. — Она подошла совсем близко. — Это все Карпентер. По мне, лучше бы поиграли, как обычно.

— Я тебе не верю.

— Честное слово!

В коридоре вдруг стало душно. Долли Бартлетт порывисто раскрыла объятия, они склонились головами навстречу друг дружке — и тут из чулана раздались приглушенные вопли, сопровождаемые дробью ударов в дверь. В тот же миг с лестничной площадки донесся голос Марты Робби.

— Не стесняйся, целуй ее, Бэзил, — язвительно потребовала она. — В жизни не видела более мерзкого зрелища. Я знаю, что сейчас сделаю.

Все сбежались в коридор; Карпентера освободили. И под мотив «Мальчик мой», исполняемый на фортепиано, атака на Бэзила возобновилась. Ведь он поднял руку на инвалида, или, во всяком случае, на инвалидное кресло, и теперь метался по комнате, уворачиваясь от грозной колесницы, которую толкали услужливые приспешники.

У парадного входа было беспокойно. Марта Робби по телефону разыскала свою мать, сидевшую на соседской веранде в компании других матерей. Сообщение Марты сводилось к тому, что все мальчишки лезут обниматься ко всем девочкам, что праздник пущен на самотек, а единственного достойного парня бесчеловечно заперли в чулане. В качестве дополнительной натуралистической подробности Марта указала, что миссис Шу-

новер даже сейчас брэнчит на рояле «Кто нынче целует ее?», а собственное участие в этой оргии объяснила физическим принуждением.

Восемь тревожных каблучков застучали по крыльцу, восемь обеспокоенных глаз пронзили миссис Шуновер, которая прежде встречала этих дам только в церкви. У нее за спиной атака на Бэзила вошла в решающую стадию. Двое мальчиков пытались его скрутить, а он вцепился в трость Карпентера и тем самым намертво приковал эту схватку к инвалидному креслу, которое угрожающе раскачивалось из стороны в сторону, а потом накренилось, завалилось вбок и сбросило Карпентера на пол.

Свидетельницы, в том числе и мать Карпентера, остолбенели. Девочки завизжали, драчуны отскочили назад. И тут случилось непостижимое. Карпентер акробатически выгнулся, достал натренированными руками до кресла, медленно подтянулся и принял вертикальное положение, впервые за пять лет перенеся свой вес на ноги.

Он даже сам этого не понял — в ту минуту мысли его были не о себе. Стоя перед затаившими дыхание зрителями, он взревел:

— Ну все, тебе не жить! — И сделал один нетвердый шаг, а потом и другой в сторону Бэзила.

Миссис Мур с коротким воплем упала без чувств, а комната вдруг содрогнулась от неистовых выкриков:

— Карпентер Мур встал на ноги! Карпентер Мур пошел!

IV

Задворки и кухни, кухни и задворки — таков был в тот день скорбный путь Бэзила. Он смылся от Шуноверов через черный ход, догадавшись, что его не похвалят за чудесное исцеление Карпентера; даже в родитель-

ский дом он десять минут спустя вошел через кухню, но перед тем несколько раз, еще в переулке, отбарабанил про себя «Отче наш».

Его встретила кухарка Хелен, принарядившаяся для выхода в город.

— Карпентер Мур пошел своими ногами, — объявил он, чтобы выиграть время. А потом загадочно добавил: — Не представляю, что теперь будет. Ужин готов?

— Ужин на столе, покушаешь сегодня один. Маму твою срочно к тете вызвали, к миссис Лэфам. Тебе записка оставлена.

От такого редкостного везенья у него заколотилось сердце. Поразительно, что мамина сестра занемогла в тот самый день, когда, по их расчетам, должно было пошатнуться здоровье тетки Джо Шуовера.

Сынок,

не хотела тебя оставлять одного, но Шарлотта заболела, и я выезжаю к ней в Локпорт. По ее словам, ничего страшного, но если она прислала телеграмму, значит есть причина. К обеду я тебя не дождалась, но тетя Джорджи, которая едет со мной, сказала, что ты забегал к ней и выпил сырое яичко, так что я за тебя спокойна.

Дальше он читать не стал: до него дошла жуткая истина. Телеграмму доставили не по тому адресу.

— Быстренько садись кушать, а потом я тебя отведу к Мурам, — сказала Хелен. — Мне нужно дом запереть.

— Меня — к Мурам? — ужаснулся он.

Тут зазвонил телефон, и Бэзил приготовился к бегству.

— Это тебя — Долли Бартлетт.

— Что ей надо?

— Откуда ж я знаю?

С опаской он взял трубку.

— Бэзил, сможешь прийти к нам на ужин?

— Что?

— Моя мама тебя приглашает.

В обмен на обещание никогда больше не называть Хелен «скороваркой» он выторговал небольшое изменение маршрута. Похоже, невезенье кончилось. За один день он явил пример дерзости, совершил подлог, обидел слепого и увечного, и кара, похоже, грозила уже в этой жизни. Но пока все отступило на задний план; ведь за один благословенный час могло произойти что угодно.

СОБИРАТЕЛИ КОМПРОМАТА

I

Жаркий майский день клонился к вечеру, и миссис Бакнер решила приготовить для мальчиков кувшин фруктового лимонада, чтобы те не объедались мороженым в кафе при аптекарском магазине. Она принадлежала к тому поколению — ныне удалившемуся на покой, — которому суждено было испытать на себе великий переворот в жизни американской семьи; но в то время она еще полагала, что ее дети относятся к ней так же, как она когда-то относилась к своим родителям; да и то сказать, история эта случилась двадцать с лишним лет назад.

Одни поколения стоят близко к своим потомкам; другие разделяет пропасть, бескрайняя и непреодолимая. Миссис Бакнер — женщина с характером, заметная фигура в светском обществе большого города на Среднем Западе — шла через обширный задний двор с кувшином фруктового напитка и одновременно перемещалась на добрую сотню лет вперед. Мысли ее были бы вполне понятны ее прабабке, а все, что делалось в мансарде над конюшней, было бы одинаково непонятно обеим. Там, где некогда находилась каморка кучера, ее сын с приятелем экспериментировали, можно сказать, вслепую, хотя могли бы валять дурака, как все нормальные мальчишки. Они осуществляли первые пробные комбинации идей и материалов, которые сами шли им в руки; в будущем каждую из таких идей ожидал обычный путь — от гипотезы к открытию и наконец к обще-

известному факту. Когда она их окликнула, мальчики с обезоруживающим спокойствием культивировали те семена, из которых должна была проклюнуться середина двадцатого века.

Рипли Бакнер спустился по приставной лестнице и принял у матери кувшин. Бэзил Дюк Ли, рассеянно взиравший сверху на эту процедуру, сказал:

- Большое спасибо, миссис Бакнер.
- Там у вас не слишком жарко?
- Нет, миссис Бакнер. Все отлично.

Духота стояла невероятная, но они этого не замечали; каждый, толком не чувствуя жажды, выдул два больших стакана лимонада. Их вниманием полностью завладела извлеченная из тайника под откинутой крышечкой люка общая тетрадь в красной коленкоровой обложке. На первой странице было начертано для тех, кто владеет тайной симпатических чернил из лимонного сока: «Книга компромата. Составители: Рипли Бакнер-мл. и Бэзил Д. Ли».

В этой тетради фиксировались все известные им отступления от нравственных принципов, допускаемые горожанами. Одни проступки, совершенные в туманном прошлом, трансформировались в городские байки, а в Книгу компромата попали только потому, что были неосторожно эксгумированы домочадцами за семейным столом. Другие грехи, более любопытные, как доказанные, так и неподтвержденные, тянулись за ровесниками и ровесницами авторов. Кое-какие разделы этой части, попадись они на глаза родителям, вызвали бы недоумение; иные — гнев, а три-четыре свежие записи повергли бы ошеломленных родителей в пучину отчаяния и ужаса.

Один из наиболее безобидных пунктов, обоснованность включения которого в этот реестр вызывала определенные сомнения, хотя еще в прошлом году авторы были неприятно поражены своим открытием, звучал

так: «Элвуд Лиминг три или четыре раза ходил на канкан в кабаре „Звезда“».

Другая запись, видимо наиболее ценимая ими за уникальность, гласила, что «Х. П. Крамнер в Новой Англии попался на воровстве и вынужденно переехал сюда, чтобы не угодить за решетку»; а ведь почтенный Х. П. Крамнер был теперь одним из столпов общества.

Единственный недостаток этой книги заключался в том, что ею можно было наслаждаться лишь посредством воображения, поскольку невидимые чернила не выдавали тайн до того момента, когда нужную страницу поднесут к огню для проявления записей. Чтобы отличить исписанные страницы, требовалась изрядная сосредоточенность; как-то раз по недосмотру довольно тяжкое обвинение против одной парочки было записано поверх констатации того печального факта, что миссис Р. Б. Кэри страдает чахоткой, а ее сын, Уолтер Кэри, вылетел из школы «Полинг». Строго говоря, записи велись не ради шантажа. Они копились на тот случай, если упомянутые в них персонажи вздумают наезжать на Бэзила или Рипли. Эта книга давала ощущение власти. Например, Бэзил ни разу не заметил, чтобы мистер Х. П. Крамнер сделал хоть один угрожающий жест в его сторону, но покажи он хоть намеком, что собирается наехать на Бэзила, — и запись тут же пошла бы в ход.

Здесь справедливости ради нужно заметить, что тетрадь эта в рассказе больше не появится. Через много лет сторож найдет ее под крышкой люка и, не увидев записей, отнесет своей дочурке; таким образом, грехи Элвуда Лиминга и Х. П. Крамнера обретут вечный покой под Геттисбергским обращением Линкольна, старательно переписанным девочкой.

Идея создания книги принадлежала Бэзилу. У него лучше работало воображение, да и во многом другом он был впереди. Темноволосый четырнадцатилетний подросток, с блеском в глазах, пока еще невысокого роста,

в школе он считался способным, но ленивым. Его любимым литературным персонажем был Арсен Люпен, благородный грабитель, романтический герой, недавно завезенный из Европы и наделавший много шума в течение первых скучающих десятилетий века.

Рипли Бакнер, тоже не выросший из коротких штанов, вносил в партнерство трезвую, практическую ноту. Ум его срабатывал от воображения Бэзила, как от детонатора; на любые, самые фантастические задумки он моментально отзывался: «А чего, нормально!» Их сдружила игра в третьей бейсбольной команде школы: один был подающим, другой — принимающим; после провального апрельского сезона команду распустили, но они по-прежнему держались вместе и целенаправленно строили свою жизнь так, чтобы дать выход мистической энергии, бродившей у них в крови. В тайнике под крышкой люка хранились шляпы с опущенными полями, ковбойские платки, игральные кости со свинчаткой для шулерской игры, одинокий наручник, веревочная лестница тонкого плетения — для бегства через заднее окошко, выходившее в переулок, и коробка с гримировальными принадлежностями, в которой лежали два облезлых театральных парика и различные накладки из волос на случай каких-нибудь противоправных деяний.

Допив лимонад, они закурили по сигарете «Хоумран»¹ и пустились в неспешные рассуждения на такие темы, как преступность, профессиональный бейсбол, секс и местное акционерное общество. Беседу прервали шаги и знакомые голоса, доносившиеся из прилегающего переулка.

¹ «Хоумран» (Homegun) — крепкие американские сигареты, выпускавшиеся с конца XIX в. вплоть до начала 1970-х гг. Название этого сорта сигарет представляет собой бейсбольный термин: удар, при котором мяч перелетает через все игровое поле. На пачке сигарет «Хоумран» изображались два бейсболиста: кэтчер (принимающий) и питчер (подающий).

Они произвели рекогносцировку из окна. Голоса принадлежали Маргарет Торренс, Имоджен Биссел и Конни Дэвис, которые решили срезать путь от заднего двора Имоджен до конца квартала, где находился дом Конни. Эти юные леди, тринадцати, двенадцати и тринадцати лет соответственно, полагали, что их никто не видит, поскольку в такт своему маршу они смешливо-приглушенно распевали довольно рискованную переделку известной песни «Клементина», а в финале совсем распоясались: «Блевон-тина, Блевон-тина...»

Бэзил и Рипли разом высунулись из окна, но, вспомнив, что на них одни майки, спрятались за подоконник.

— Мы все слышали! — хором закричали они.

Девочки остановились и расхохотались. Маргарет Торренс с преувеличенным усердием задвигала челюстями, показывая, что у нее во рту жевательная резинка, причем не случайно. Бэзил сразу догадался.

— Где взяли? — уточнил он.

— У Имоджен дома.

Девочки поживились сигаретами миссис Биссел. Это указывало на бесшабашность их настроения, которая зацепила и взбудоражила обоих мальчиков, и они продолжили разговор. Конни Дэвис была девушкой Рипли, когда они занимались в танцевальной школе; Маргарет Торренс сыграла определенную роль в недавнем прошлом Бэзила; Имоджен Биссел только что вернулась из Европы, проведя там целый год. За весь последний месяц ни Бэзил, ни Рипли не вспоминали о девочках, а теперь, встряхнувшись, осознали, что центр вселенной внезапно переместился из тайной комнаты к девичьей стайке за окном.

— Поднимайтесь к нам, — предложили они.

— Лучше вы спускайтесь. Приходите во двор к Уортонам.

— Сейчас придем.

Чуть не забыв спрятать Книгу компромата и коробку с маскировочными принадлежностями, мальчики за-

торопились на улицу, оседлали велосипеды и покатали по переулку.

Дети Уортонов давно выросли, но этот двор по-прежнему оставался одним из тех заколдованных мест, которые в послеобеденные часы притягивают к себе молодежь. У него была масса преимуществ. На большую площадку, открытую с обеих сторон, можно было заехать с улицы на роликах или на велосипеде. Там были подвесные качели, старенькая доска, уравновешенная посередине, и пара гимнастических колец; но двор этот стал местом встреч задолго до установки инвентаря, потому что над ним витал дух детства, который побуждает юных сбиваться тесной стайкой на неудобных ступенях и сбегать из приятельских домов, чтобы собраться «у людей, которых никто не знает». Но тенистый уортоновский двор издавна устраивал всех; там цвели какие-то непонятные растения; собаки не бросались на людей, а газон пестрел бурыми проплешинами от бесконечного кружения колес и шарканья ног. В паре сотен футов, под обрывом, прозябали в ужасающей нищете «ирландишки» — это было всего лишь прозвище, ибо в последнее время там селились исключительно выходцы из Скандинавии; когда другие забавы прискучивали, достаточно было пары выкриков, чтобы их шайка начала карабкаться по склону, а дальше можно было либо принять бой, имея численный перевес, либо разбежаться по своим уютным норам, если дело принимало скверный оборот.

Было пять часов вечера, и перед ужином во дворе собралась маленькая компания — тише и романтичней этого времени суток бывали только летние сумерки. Бэзил и Рипли рассеянно крутили педали, то исчезая за деревьями, то выныривая на свет, и время от времени останавливались, положив руку на чье-нибудь плечо и ладонью прикрывая глаза от слепящего вечернего солнца, — оно, как сама юность, всегда бывает слишком ярким,

чтобы смотреть не отрываясь, но, если чуть затенить прямые лучи, можно любоваться сиянием хоть до самого заката.

Лениво гарцуя на одном колесе, Бэзил подкатил к Имоджен Биссел. Должно быть, что-то в его лице привлекло ее, поскольку она посмотрела на него снизу вверх, посмотрела по-настоящему, и медленно улыбнулась. Она обещала через несколько лет стать настоящей красавицей, королевой выпускных балов. Сейчас ее большие карие глаза, крупный, прелестно очерченный рот и яркий румянец на узких скулах делали ее похожей на эльфа и раздражали тех, кто хотел, чтобы дети выглядели по-детски. Впервые в жизни он понял, что девочка — существо совершенно противоположное и в то же время неотъемлемое от него самого, и ощутил теплый холодок удовольствия, смешанного со страданием. Это было вполне определенное ощущение, и он тут же его для себя отметил. Внезапно Имоджен вобрала в себя весь этот летний вечер — ласковый воздух, тенистые кустарники, цветочные клумбы, оранжевый солнечный свет, голоса и смех, брэнчание далекого рояля; вкус этих примет соединился с обликом Имоджен, улыбавшейся ему снизу вверх.

Это было уже слишком. Бэзил отмахнулся от этого наваждения, не сумев им воспользоваться, пока не переварил его в одиночестве. Он стремительно кружил на велосипеде по двору и, проезжая мимо Имоджен, отводил глаза. Через некоторое время он вернулся к ней и предложил проводить до дому, но оказалось, что тот волшебный миг не произвел на нее никакого впечатления, а может, и вовсе пролетел незамеченным: она немного удивилась. Они двинулись по улице; Бэзил шел рядом с Имоджен и катил свой велосипед.

— Выйдешь сегодня вечером? — с жаром спросил он. — На уортоновском дворе наверняка соберется компания.

— Если мама разрешит.
— Я тебе позвоню. Без тебя я тоже не пойду.
— Почему это? — Она снова улыбнулась, придав ему храбрости.

— Не хочу.
— Да почему же?
— Скажи, — выпалил он, — кто из мальчиков нравится тебе больше, чем я?

— Никто мне не нравится. Только ты и Хьюберт Блэр.

Бэзил даже не приревновал, когда его имя поставили в один ряд с чужим. Кто заглядывал в девичьи сердца, тому поневоле приходилось философски относиться к существованию Хьюберта Блэра.

— А ты мне нравишься больше всех, — пылко признался он.

Розовое в яблоках небо давило невыносимой тяжестью. Бэзил все глубже погружался в атмосферу неизъяснимого очарования, и в крови у него бурлили теплые токи, с которыми вся его жизнь рекой стремилась теперь к этой девочке.

Они дошли до боковой двери ее дома.

— Зайдешь, Бэзил?

— Нет.

Он тут же понял, что сглушил, но слово уже вылетело. Неосязаемое мгновение было упущено. И все же он медлил.

— Хочешь, я тебе подарю свое школьное кольцо?

— Давай, если ты сам этого хочешь.

— Прямо сегодня вечером и принесу. — Слегка дрогнувшим голосом он добавил: — Только в обмен.

— На что?

— На кое-что.

— На что? — Ее щеки порозовели: она поняла.

— Сама знаешь. Договорились?

Имоджен беспокойно огляделась по сторонам. В медово-сладостной тишине, сгустившейся над крыльцом, Бэзил задержал дыхание.

— Ты невыносим, — прошептала она. — Может быть... До свидания.

II

Настало лучшее время дня; Бэзил был невероятно счастлив. Этим летом он собирался на озеро с матерью и сестрой, а осенью уезжал учиться. После этого — прямая дорога в Йель¹, а там и в большой спорт, и в том случае, если обе мечты пересекутся во времени, а не пойдут параллельными курсами, можно будет заделаться благородным грабителем. Все шло прекрасно. Нужно было обдумать столько заманчивых перспектив, что он даже не сразу засыпал по ночам.

Его нисколько не отвлекало, а, наоборот, подбадривало, что сейчас он без ума от Имоджен Биссел. Чувство пока еще не окрасилось горечью, а лишь наполняло его ярким, кипучим волнением и манило сквозь майские сумерки во двор к Уортонам.

Бэзил приделся: белые парусиновые бриджи, пережатая поясом свободная куртка цвета соли с перцем, рубашка с высоким воротничком и серый вязаный галстук. Его черные волосы влажно блестели, а невысокая фигура смотрелась хоть куда — так он и пришел на знакомую, но теперь заколдованную лужайку и в насту-

¹ *Йель* — частный университет в США, созданный в 1701 г. на базе третьего из девяти колониальных колледжей, основанных до Войны за независимость. Йель находится в Нью-Хейвене, одном из старейших городов Новой Англии, в штате Коннектикут. Йель включает двенадцать подразделений: это Йельский колледж, дающий общее четырехлетнее образование и степень бакалавра, аспирантура по различным направлениям, а также десять специализированных факультетов.

пающих сумерках влился в общий гомон. Во дворе было три или четыре девочки, жившие по соседству, и почти в два раза больше мальчиков; а чуть поодаль компания ребят постарше украшала собой боковую веранду на фоне освещенных окон, время от времени одаривая и без того переполненный вечер таинственными бубенчиками смеха.

Переходя от одной темной группы к другой, Бэзил убедился, что Иможден еще не пришла. Отыскав Маргарет Торренс, он отвел ее в сторону и как бы невзначай спросил:

— У тебя сохранилось мое старое кольцо?

Целый год в танцевальной школе Маргарет была его девушкой; в подтверждение этого факта он пригласил ее на кадрили, которой закрывался сезон. Их роман сошел на нет сам собой, и тем не менее такой вопрос не отличался дипломатичностью.

— Где-то валяется, — беспечно ответила Маргарет. — А что? Хочешь забрать его назад?

— Вроде того.

— Да пожалуйста. Мне оно и раньше ни к чему было. Ты мне его насильно всучил, Бэзил. Завтра же верну.

— А сегодня вечером нельзя? — У него екнуло сердце при виде маленькой фигурки, входящей через задние ворота. — Мне бы сегодня нужно.

— Как скажешь, Бэзил.

Она побежала через дорогу к своему дому, и Бэзил последовал за ней. На веранде сидели мистер и миссис Торренс; пока Маргарет ходила наверх за кольцом, он еле сдерживал нетерпеливое возбуждение, отвечая на вопросы — например, о здоровье родных, — лишённые в глазах молодежи всякого смысла. Вдруг он оцепенел, осекся на полуслове и уставился на картину, которая разворачивалась на тротуаре.

В дальнем сумрачном конце улицы появился быстрый, почти летящий силуэт и поплыл к освещенному

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ О БЭЗИЛЕ

Детский праздник	7
Собиратели компромата	24
Вечером на ярмарке	50
Заносчивый новичок	72
Что он о себе возомнил?	101
Пойманная тень	128
Безупречная жизнь	156
К цели	187
Бэзил и Клеопатра	212

РАССКАЗЫ О ДЖОЗЕФИНЕ

Первая кровь	241
Тихое местечко	264
Женщина с прошлым	289
История про снобов	314
Крушение чувств	344

РАССКАЗЫ О ГВЕН

Неописуемо классно	369
В доме	393

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Успешное покорение мира : рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-06652-6

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть. Предлагаемая вашему вниманию книга — уже третья из нескольких запланированных к изданию, после «Новых мелодий печальных оркестров» и «Издержек хорошего воспитания», — призвана исправить это досадное упущение. Сборник составляют три цикла то смешных, то грустных, но неизменно блестящих историй от признанного мастера тонкого психологизма; историй о трех молодых людях — Бэзиле, Джозефине и Гвен, — которые расстаются с детством и готовятся к успешному покорению мира. И что немаловажно, по-русски они заговорили стараниями блистательной Елены Петровой, чьи переводы Рэя Брэдбери и Джулиана Барнса, Иэна Бэнкса и Кристофера Приста, Шарлотты Роган и Элис Сиболд уже стали классическими.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
УСПЕШНОЕ ПОКОРЕНИЕ МИРА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Светлана Федорова, Вера Дроздова

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 11.10.2016.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,3.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

YAKB1463203R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/